

Михайловский Вадим Сергеевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

НЕОМАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД К РЕВОЛЮЦИИ

Желание сохранить революционную направленность марксистской диалектики в новых исторических условиях и вне партийной догматизации привело к тому, что уже в конце 1920-х годов «очаги марксизма как дискурса постепенно смещались от профсоюзов и политических партий в научно исследовательские институты и на университетские кафедры» [1, с. 161]. Российский социолог Б. Ю. Кагарлицкий образно назвал этот процесс уходом марксизма «в академическое гетто» [3, с. 65]. Началась профессионализация марксизма и академическая институционализация (работа Института социальных исследований во Франкфурте). Марксизм оказал влияние на различные направления исследований: историю, культурологию, социологию, философию. Это влияние оказалось таким существенным, что сам марксизм был воспринят не только как идеология революционной борьбы пролетариата, но и как новый метод познания социальной — неомарксизм.

Роль субъективного фактора (сознания) в революции как отправная точка в неомарксистских исследованиях социальной трансформации была актуализирована немецким философом К. Коршем и венгерским философом Д. Лукачем, а затем стала важнейшим предметом исследований у представителей Франкфуртской школы. Исследования неомарксистов отличались отходом от экономического детерминизма и использованием социологизированного психоанализа.

Если «марксистская логика» исследования сферы сознания требовала рассмотрения идеологем, оставшихся после революционных изменений в «базисе», как «пережитков», «родимых пятен» старого строя, то неомарксистская уделяет существенное внимание этим «пережиткам» как факторам, во многом определяющим новые общественные отношения. В этом противоречии содержатся истоки возможного возрождения прежнего порядка. В такой ситуации новая «настройка» формируется не как отражение нового «базиса», а как «настройка», на формирование которой влияют сохранившиеся мыслительные формы. Неомарксисты исходят из того, что ничего нельзя решить лишь свержением и что революция может привести к ликвидации капитализма, но не затронуть власть капитала. Ликвидация капиталистического порядка общества не влияет на стремление к накоплению капитала, а, значит, сохраняется система это общество воспроизводящая.

В неомарксизме сформировался подход к пониманию революции как изменению не только реальных условий существования людей, но и их субъективных установок. В социальном процессе субъективный фактор становится доминантным. Это привело неомарксистов к отказу от революции в понимании широкомасштабных (организованных) массовых выступлений. Немецкий философ Г. Маркузе писал: «Марксистская концепция революции как революции, осуществляемой большинством эксплуатируемых масс и имеющей своей кульминацией «захват власти» и установление диктатуры пролетариата... отстала» от исторического развития — она отвечает пройденной фазе капиталистического производства и организации, но не отвечает нынешней более высокой фазе капиталистического производства, включающей в себя производство средств ... идеологической обработки» [9, с. 30].

Вопросы роли сознания и идеологической борьбы стали основополагающими в рамках неомарксистской теории и сместили изучение практики насильственной борьбы на второй план, рассматривая ее как возможный атрибут преобразования общества. В центре внимания оказались факторы, воздействие которых свидетельствует об изменении сознания общества. Эти изменения и могут быть названы революцией в неомарксистском понимании.

Неомарксистская концептуализация современной социальной трансформации была тесным образом связана с обращением к потенциалу психологии масс и исследованиями репрессивной сущности культуры в современном обществе. Еще в начале XX века Д. Лукач отмечал, что главным препятствием для подлинной трансформации общества является «раскол пролетарского сознания» [4, с. 167]. Речь шла о невероятной сложности преодоления убеждения масс в устойчивости сложившегося порядка и иллюзий о том, что успехи экономической борьбы могут приблизить к решению социальных и политических вопросов. Эта тема особенно актуализировалась после Второй мировой войны.

Перспективы расширения социалистической альтернативы привели к значительным трансформациям экономических, правовых, социальных и политических отношений. Социалистический вызов наряду с другими факторами (переход западного общества на уровень постиндустриального развития, научно-техническая революция, информационные технологии, формирование ценностных установок общества потребления) существенно повлиял на функционирование системы капитализма. Поиск новых агентов революции, обладающих высоким классовым сознанием, в 1960-е и 1970-е «столкнулся» с завышенными ожиданиями масс государства всеобщего благосостояния. Готовность рабочего класса общества потребления к социальным изменениям оказалась уязвима к демонстрации эффективности капитализма: увеличению объема материальной культуры, доступности предметов массового потребления, удешевлению комфорта и роскоши, вовлечению все новых сфер общественного производства в индустрию капитализма. Французский философ Ж. Бодрийяр описывал современного пролетариата как «нормального» человека», который «возведен в достоинство полноправного «человеческого существа», и, что важно, «перенимает все виды дискриминации, свойственные господствующим классам, — он расист, сексист, мыслит репрессивно». «Код нормальности», который был навязан современному пролетариату массовой культурой потребления, «образует сильнейшую идеологическую защиту» от интенций на перемены [2, с. 85—86]. Теория марксизма-ленинизма не обладала необходимым понятийно-категориальным аппаратом и объяснительными моделями познания таких социальных процессов. Возникла исследовательская необходимость «отойти от самой марксовой теории настолько, насколько изменились объекты ее критики» и «построить» на основе марксистского метода «новый теоретический аппарат, адекватный нашей нынешней ситуации» [8, с. 180].

Неомарксисты обратились к анализу значения ценностей в воспроизводстве капитализма, а социальную трансформацию стали понимать как культурную революцию. Именно поэтому Г. Маркузе писал не о бунте, а о «Великом отказе». Великий отказ — понятие, применяемое в неомарксизме для обозначения важности ценностей в воспроизводстве капитализма и понимания социальной трансформации как полной переоценки ценностей, потребностей и задач общественного развития. «Индивиды воспроизводят репрессив-

ное общество в своих потребностях ... и именно эта преемственность до сих пор препятствовала скачку от количества к качеству свободного общества» [5, с. 20]. Отметим, что в дальнейшем (в начале XXI века) об этом писали и американский философ М. Хардт и итальянский философ А. Негри. Теоретики образно обосновывали, что трансформация капиталистического порядка возможна как «бегство», «антропологический исход», формирование «новых варваров», которые строят «новую жизнь» [8, с. 201, 203, 204]. Таким образом, неомарксисты обратились к поиску тех современных субъектов, которые могут быть идентифицированы с потенциальными силами такого сопротивления. Эта аналитическая проблема стала одной из наиболее сложных для неомарксистских теоретиков. Задача заключалась в том, чтобы найти новых агентов революции. И отказаться от этой задачи было нельзя.

Этот поиск происходил на фоне активного включения в 1960-х годах европейских коммунистических партий в западный политический процесс. Обнаружилось, что западные коммунистические партии стали в меньшей степени интересоваться марксистской диалектикой и идеалами революционной борьбы. Особенно это проявилось в тот период, когда пришло осознание невозможности прямой практической реализации догматизированных партийными теоретиками марксистских утверждений. Потеряв «опору» на партии рабочего движения как классических носителей революционного сознания, неомарксисты были вынуждены и по этой причине выйти за рамки марксистско-ленинских представлений и выявить новых агентов революционного действия.

В фокус аналитического внимания попали радикальные интеллигенты — выходцы из студентов, а также иммигранты. Г. Маркузе отмечал общие черты этих двух групп, которые указывают на их новый революционный потенциал. Это отрицание любых видов и форм эксплуатации; «настоящее требование не только новых институтов, но и самоопределения»; «недоверие ко всем идеологиям, включая социализм»; «непринятие псевдодемократического процесса» [9, с. 31]. Г. Маркузе была сделана ставка на «маргинальные» силы в силу того, что именно в радикальных практиках этих субъектов он видел их невключенность («выпадение») из капиталистического порядка, а, следовательно, способность к радикальным преобразованиям.

В целом неомарксистский подход к социальной трансформации может быть сведен к словам Г. Маркузе, что «путь в свободное общество открыт только для тех, кто свободен от благ капитализма» [6, с. 303]. Именно этому фактору неомарксисты уделяли первоочередное внимание в вопросе социальной трансформации.

Марксистская мысль является теорией социальной трансформации. Она развивалась в русле радикальной критики капитализма и поиска путей его преодоления. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали объективные законы смены общественно-экономических формаций, но не уделили должного внимания субъективному фактору исторического процесса. Этот пробел марксистской теории был преодолен в рамках неомарксизма. Отказавшись от понимания революции только как насильственного скачкообразного преодоления капиталистического порядка, неомарксисты акцентировали внимание на необходимости дополнительной ценностной переориентации сознания масс. Таким образом, произошло своеобразное «замыкание» марксистского теоретизирования социальной трансформации: неомарксистское соединение историче-

скаго материализма и идеализма в рамках марксистского критицизма. Это позволило не только сохранить марксистскую приверженность диалектике, но и выйти на новый уровень анализа трансформации капитализма.

Библиографический список

1. Андерсон, П. На путях исторического материализма / П. Андерсон // Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма = Consideration on western Marxism. In the tracks of historical materialism: пер. с англ. / П. Андерсон. — М., 1991. — С. 151—266.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть = L'échange symbolique et la mort / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М.: Добросвет, 2009. — 387 с.
3. Кагарлицкий, Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Ю. Кагарлицкий. — М.: Алгоритм: Эксмо, 2005. — 480 с.
4. Лукач, Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике = Geschichte und Klassenbewusstsein. Studien ueber marxistische Dialektik / Г. Лукач; пер. с нем. С. Земляного. — М.: Логос-Альтера, 2003. — 416 с.
5. Маркузе, Г. Конец утопии / Г. Маркузе; пер. с англ. А. Смирнова // Логос. — 2004. — № 6. — С. 18—23.
6. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. — М.: АСТ: Ермак, 2003. — 312 с.
7. Хардт, М. Империя = Empire: пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис, 2004. — 440 с.
8. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи = Multitude: war and democracy in the age of empire: пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри; под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Культур. революция, 2006. — 559 с.
9. Marcuse, H. Re-examination of the concept of revolution / H. Marcuse // New Left Review. — 1969. — № 56. — P. 30—38.

Снапкоўскі Уладзімір Еўдакімавіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

АБ ПАЛІТЫЧНЫМ І ПРАВАВЫМ СТАТУСЕ БЕЛАРУСІ НА САВЕЦКА-ПОЛЬСКІХ МІРНЫХ ПЕРАГАВОРАХ (1920—1921 ГГ.)

Юрыдычны статус ССРБ у 1919—1922 гг. быў вельмі няпэўным і супярэчлівым. Фармальна яна лічылася незалежнай савецкай рэспублікай, а фактычна з'яўлялася аўтаномнай вобласцю РСФСР. Яе адносіны з РСФСР будаваліся не на раўнапраўных, федэратыўных пачатках, а на аснове аўтаноміі [10, с. 129]. III з'езд КП(б) Беларусі (лістапад 1920 г.) наступным чынам вызначаў дзяржаўна-прававы статус ССРБ: «Беларусь, будучы Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікай, адначасова з'яўляецца састаўной часткай РСФСР, і ўсе органы ў галіне агульных мерапрыемстваў павінны быць падпарадкаваны адпаведным камісарыятам РСФСР, але мець пэўную свабоду ў галіне вырашэння пытанняў мясцовага жыцця, у якіх яны павінны кіравацца ЦВК і Совнаркомам Беларусі» [12, С. 187—188]. Рашэнні партыйнага з'езда прадвызначылі фармулёўку адпаведных канстытуцыйных нормаў, прынятых II Усебеларускім з'ездам Саветаў, што супярэчыла Дэкларацыі аб абвяшчэнні незалежнасці ССРБ ад 31 ліпеня 1920 г.

У асяроддзі партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва Беларусі дамінавала думка, што заявы аб суверэннасці ССРБ маюць толькі «фасаднае» знешнепалітычнае